

“Я дышу и ду́шу не ду́шу...”

словарный запас

Александр Агеев

Газета — 2005 — 08 сент. — с. 19.

«Время колокольчиков» возвращается? Только что издательство «Время» в своей серии «Поэтическая библиотека» выпустило книжку Александра Башлачева «Как по лезвию». И в предисловии к ней неизбежный во всяком подобном деле АК Троицкий пишет: «Совершив чудную «загогулину», российская жизнь вновь вернулась на темные круги своя, и опять нет для нас поэта более важного, чем Александр Башлачев. Память о нем всколыхнулась с новой силой; песни звучат, как сверхновый завет, а загадка его жизни и смерти будоражит до сердечной боли». Эти же слова и на обложку вынесены. Звучит немножко патетически, конечно, но книжка-то получилась очень даже неплохая — практически полное собрание песен и стихов, комментарии и варианты, два интервью.

А Троицкий, пожалуй, оказывает поэту медвежью услугу, связывая новый интерес к Башлачеву с течением российской жизни: вот ходила она по темным кругам, и возник из этой тьмы Башлачев, потом пошла кругами светлыми, и надобности в Башлачеве не было (стоит вспомнить, какой попсой и каким гламуром занимался сам АК в «светлые» годы). А теперь опять круги пошли темные, и, значит, подавай нам Башлачева. Так не бывает: уж если поэт, то и в темные, и в светлые времена он поэт. Не фельетоны ведь писал на злобу дня, не лобовую «протестную» лирику, чем многие рок-поэты занимались, а пытался дорваться до корней той самой российской жизни, что и впрямь кругами ходит. Да не «светлыми» и «темными», а просто — кругами, что и есть самое обидное. Даже если по интервью, в книжке опубликованным, судить, так был Башлачев человеком светлым: самые употребляемые слова там «свет», «любовь», «душа», «добро», «честность».

«Что такое свет и тьма? — говорит Башлачев. — Тут очень легко можно разобраться. Все, что впереди тебя, — это всегда свет. Сначала ты пройдешь половину пути через тьму. Потом ты получишь ровно столько же света... Свет всегда впереди. Граница проходит прямо по твоим ногам. Если ты шагнул, ты шагнул во тьму, но одновременно ты ее и одолел». Это, конечно, не «сверхновый завет», это очень простые, освященные тысячелетней традицией ощущения человека, верящего, несмотря ни на что, в конечную справедливость мироустройства. Идеалистам этого типа трудно жить в любые времена, плохо они верят в заявления вождей и прочих законодателей моды на предмет того, что «жить стало лучше, жить стало веселей». Оно конечно — карточки на хлеб то вводят, то отменяют, рубль то падает, то растет, но все это лишь поверхность жизни, легкая зыбь над океанскими глубинами. «Корень», «зерно» — вот еще два понятия, лейтмотивом проходящие по многим текстам Башлачева. Вспомнить хоть «Мельницу»:

*Где зерно мое? Где мельница?
Сгорело к черту все.*

*И мыши греются в зале.
Пуст карман.*

Да за подкладкою

*найду я три своих
последних зернышка.*

*Брошу в землю,
брошу в борозду —
к полудню срежу
три высоких колоса.*

*Разотру зерно ладонями
да разведу огонь
да испеку хлеба.*

*Преломлю хлеба румяные
да накормлю я всех
тех, кто придет сюда...*

Такой вот терпкий русский оптимизм. А в интервью читаем: «Я хочу связать новое содержание, ветер времени, ветер сегодняшних, завтрашних, вчерашних дней... Собственно, это один ветер. И одно поле. И на этом поле я хотел бы найти свою борозду, бросить туда зерно своего представления о тех или иных вещах, происходящих вокруг меня. И чтоб зерно дало росток». Есть такой термин — «русский рок». И есть мнение, что звездный час русского рока пришелся на конец 80-х — начало 90-х годов прошлого века, а сейчас он под натиском дешевой попсы отнесен на периферию общественного внимания.

Но черт его знает, что такое на самом деле русский рок: неужели всего лишь не лишённые смысла русские тексты, наложенные на более или менее грамотно скопированные «мелодии и ритмы зарубежной эстрады», как стыдливо назывались в застойные годы пластинки, где было записано хоть что-то, отдаленно напоминавшее рок? То есть лирика важнее музыки — и все? А как насчет качества лирики? Башлачев как раз мучительно искал некую формулу «русского рока», постоянная его мысль — «мы запутались в рукавах чужой формы», и надо выйти к корням, к национальному содержанию, из него и прорастет адекватная форма. Надо отвечать не на вопрос «Как?», а на вопрос «Зачем?».

Один из интервьюеров предложил ему термин, которым можно было бы определить его творчество: «русский народный рок». Башлачев ответил: «Замечательный термин. Русский народный... А что, рок всегда народный. Рок — это Дух, а Дух — это что такое без народа? Что такое народ без Духа? Это мы уже видели». А вообще-то основоположником «русского народного рока» был, конечно, Владимир Высоцкий. Башлачев отчасти наследовал ему и недаром написал «триптих» «Слыша В.С. Высоцкого». Именно так — не «слушая», а «слыша». Высоцкий — его интонации, его стилистика, его проблематика, даже его голос — эксплуатировался многими и сознательно, и бессознательно, но у Башлачева с Высоцким родство на каком-то глубоком, корневом уровне. Как раз на том, откуда прорастает «русский народный рок». Такая вот странная, чисто российская коллизия — был Башлачев человеком светлым, а писал и пел «маленькие трагедии», трагедией и жизнь завершилась. А насчет «времени колокольчиков», так в России всегда это время:

*Что ж теперь ходим
круг да около
На своем поле —
как подпальчики?*

*Если нам не отпели колокол,
Значит, здесь —*

*время колокольчиков.
Но кто ж отольет нам колокол,
кроме нас самих?*